

**Эпоха войн и революций
в новой работе российского историка**

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Отлив. – М.: Академический проект, 2025. – 509 с. – ISBN: 978-5-8291-4355-8.

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
Ведущий специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Эпоха война и революций в новой работе российского историка // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 486–498.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

Рецензия поступила в редакцию 14.12.2025.

Аннотация

Рецензируется новая монография А. В. Шубина, логически продолжающая его работу «Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив». В центре внимания автора затухание революционного процесса, охватившего просторы как распавшейся Российской империи, так и ряд европейских стран, а также колониальных и полуколониальных земель Азии после окончания Первой мировой войны, итогом которой явилось крушение четырех империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской). В работе уделено должное внимание происходившим внутри большевистской партии дискуссиям о путях углубления революции. Отдельная глава посвящена крестьянским движениям на просторах распавшейся Российской империи (включая махновщину на Левобережной Украине) и их программным требованиям, которые вступали в противоречие как с целями белого движения, так и с аграрной политикой

большевиков в годы «военного коммунизма». Автор не обходит стороной и решение национального вопроса на обширной территории, унаследованной от распавшейся Российской империи, включая ее западные земли. Он приходит к выводу, что реализованная модель образования СССР не только заморозила столкновение национальных проектов, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию. Особое внимание рецензента уделено освещению в монографии затухания революционного процесса в Балканском регионе.

Ключевые слова

Последствия Первой мировой войны, распад империй, мировой революционный процесс, русская революция 1917 г., крестьянские движения новейшего времени, разрешение национальных противоречий, новейшая история Балкан.

Доктор исторических наук профессор А. В. Шубин известен как историк широкого кругозора, обращающийся в своих многочисленных трудах к анализу ключевых проблем отечественной политической истории новейшего времени, истории международных отношений, истории левых движений и идей. Его новая монография, предлагаемая вниманию коллег, входит в серию его работ, посвященных эпохальным изменениям в мире по итогам Первой мировой войны, являясь логическим продолжением опубликованной несколько лет назад его книги «Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив»¹. В центре внимания рецензируемой работы А. В. Шубина находятся революционные процессы в Европе и России прежде всего в условиях их затухания в 1920–1923 гг., осмысленные в широкой исторической перспективе. Автор обращается к опыту революций в странах, достигших разного уровня общественного развития, оказавшихся в неодинаковом положении по окончании мировой войны и соответственно стоявших перед необходимостью решения своих специфических задач.

В монографии дается подробное изложение происходивших внутри большевистской партии, и прежде всего на ее съездах, дискуссий относительно возможностей углубления революции, о путях и методах строительства социализма, о масштабах централизации и милитаризации

---

¹ Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М., 2020.

управления экономикой, о производственной демократии с реальным приобщением рабочих к управлению и о роли в этой связи профсоюзов (так называемая «дискуссия о профсоюзах»).

Отдельная глава посвящена крестьянским движениям на просторах распавшейся Российской империи и их программным требованиям, которые вступали в противоречие как с целями белого движения, так и с аграрной политикой большевиков в годы «военного коммунизма». Особое внимание уделено таким масштабным феноменам, как махновщина в Левобережной Украине, тамбовское повстанческое движение (антоновщина), крестьянское восстание в Западной Сибири, выступления среди казачества на Дону и Северном Кавказе, карельская трудовая коммуна. Все эти движения к весне 1921 г. приобрели такой размах, что делали вполне реальным падение большевистской власти в России и на Украине. А. В. Шубин акцентирует внимание на их гетерогенности: «Сибирские повстанцы имели широкий спектр идей от анархистов до монархистов. Ситуация была такова, что против большевиков объединились все от “порозовевших” экс-белых до принявших более умеренную советскую программу анархистов. И везде восставшие требовали ликвидации режима продрозверстки и запретов, установленных однопартийной диктатурой коммунистов, – причем вместе с самой этой диктатурой и самими коммунистами». При этом в крестьянских движениях явно доминировал левый тренд: «В общей массе повстанчества, которое влияло на ситуацию в стране, “белая” составляющая представляет из себя незначительную и явно второстепенную часть, а сторонники левых идей очевидно преобладают, хотя и между ними есть различия в спектре от анархизма до сторонников многопартийного государства с доминированием демократических социалистов. Но подавляющее большинство повстанцев действует единым фронтом против коммунистического режима, прекратив прежнюю вражду друг с другом эсеров, бывших большевиков, бывших белых и сторонников национальных проектов». Всё это позволило автору говорить о целостности повстанческого движения как фактора революции и гражданской войны в 1921 г.

Как показало самое мощное из антибольшевистских движений левого толка, Кронштадтское восстание, подробно описанное в книге, протестные настроения отнюдь не ограничились крестьянством, перекинувшись и на рабочий класс. «Что касается политических свобод, то кронштадтцы требовали закрепления и выполнения тех принципов Октября, от которых Ленин уже собирался отказаться не только

на время широкомасштабной гражданской войны, но и после нее: лево-социалистический идейно-политический плюрализм и регулярные свободные перевыборы Советов». Закат повстанчества автор связывает с поворотом экономического курса, заменой продрозверстки продналогом. Ведь несмотря на то, что Кронштадтское восстание было подавлено, сохранять далее «военный коммунизм» было крайне рискованно: это было чревато полной катастрофой режима и экономики. Автор задается вопросом: насколько реальны были перспективы свержения большевистской диктатуры на волне протестных настроений 1920–1921 гг. И ответ дает отрицательный, ведь «коммунистический режим отработал в ходе беспощадной гражданской войны механизм карательных мероприятий, направленных на подавление восстаний. Они включали массовые расстрелы, заложничество, концлагеря, конфискации, артиллерийские обстрелы и сожжения деревень. Но террор гибко сменялся послаблениями и “прощениями”, часто обманными. Такую махину можно было свалить только быстрыми ударами, вызывающими раскол армии и аппарата управления (как это случилось с самодержавием четыре года назад). Шансы на это были в феврале-марте 1921 г., но на длинной дистанции коммунисты побеждали. Повстанческое движение, не имевшее единого и даже скоординированного командования, расширяло район своих действий, но не могло сконцентрироваться для решающих ударов».

После его подавления большевистская власть должна была сосредоточиться на борьбе с массовым голодом, церковным влиянием и интеллигентским инакомыслием, представлявшими для этой власти немалую угрозу. Всем этим сюжетам, как и знаменитому процессу 1922 г. над эсерами (носителями идеологической альтернативы большевизму в революционном движении), в работе также уделено должное внимание именно в контексте поставленных автором перед собой задач (в том числе задачи определить критерии завершения революции в России). Как констатирует автор, подводя итоги своего анализа, «решение социальных задач, поставленных в начале Великой Российской революции большинством партий и движений, оказалось скромным», при этом затяжной и разрушительный характер противоборства разных сил (а с 1921 г. прежде всего внутри самой большевистской партии) поставил перспективу послереволюционной модернизации страны на крайне низкий старт. А кроме того, поскольку и в условиях НЭПа любая политическая оппозиционность и даже идеологическая неортодоксальность могла существовать в СССР только в подполье, в решении своих демократических

задач революция, как констатирует автор, потерпела тяжелое поражение, пусть и не полное, ведь «пока сохранялись люди, которые вкусили от плода политического плюрализма, (ино)партийные структуры могли восстановиться так же быстро, как были разрушены. Стоило только коммунистической партии потерять контроль над массами или расколоться – из советских учреждений и ссылок могли вернуться опытные партийные лидеры с готовыми программами и давно наработанными связями между собой». Прекрасно осознавая это, диктатура жила как на вулкане, «нервно реагируя на проявления инакомыслия арестами “спецов”, пока не выяснилось, что главной опасностью для коммунистов стали их собственные противоречия». Поскольку революция создала уникальные возможности для вертикальной социальной мобильности, овладевшая властью под ее знаменем большевистская диктатура могла опереться на массовую поддержку снизу. Но поскольку «система диктатуры не позволяла разделить ответственность за происходящее с другими общественными силами — большевистская партия отвечала за все. Счета к ней могли предъявить и “бывшие”, и “гегемоны революции”, разочарованные ее результатами, и придавленная силой крестьянская масса, и интеллигенция, недовольная авторитаризмом, произволом и некомпетентностью новой бюрократии».

Автор не обходит стороной и решение национального вопроса на обширной территории, унаследованной от распавшейся Российской империи, включая ее западные земли. Он приходит к выводу, что реализованная модель образования СССР была едва ли не оптимальной, поскольку она «не только заморозила столкновение национальных проектов, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию, обеспечила вовлечение в нее широких масс нерусского населения, помогла сплочению советских граждан перед лицом внешних вызовов, включая Великую Отечественную войну».

Затрагивает автор и так называемое «политическое завещание» Ленина, сформулированное в его последних письмах и статьях. Как показывает А. В. Шубин, кооперация для Ленина и ленинцев была не другой моделью социализма, а лишь «тактическим выходом из тупика на пути к прежней цели. Поэтому кооперация, экономика самоуправляющихся коллективов, при коммунистическом режиме была обречена стать еще одним приводным ремнем к системе бюрократического господства, а затем – формой пролетаризации крестьянства, включения его в индустриально-бюрократическую пирамиду».

Другой вопрос – это то, что независимо от представлений самого Ильича «ленинский кооперативный план» открыл возможность использовать тему кооперации для отхода части коммунистов от ортодоксального марксизма-ленинизма во второй половине XX в.

Монография содержит немало методологических новаций. Они относятся к анализу причин ослабления революционной активности, сравнительно-историческому анализу российской и германской революций, выявлению соотношения социальных и национальных факторов в итогах потрясений 1918–1923 гг. Нам лично показался особенно интересным и заслуживающим дальнейших размышлений авторский взгляд на соотношение революционного и объективно контрреволюционного (при всей левизне своей окраски) начал в развитии Великой Российской революции и истории последовавших за ней межвоенных десятилетий. Стремление подавить тех, кто ведет борьбу за продолжение и дальнейшее углубление революции, всегда носит, по сути, контрреволюционный характер, даже если люди, избравшие такой курс, позиционируют свою преемственность революции и ее идеалам. И согласно такому взгляду на вещи, установление жесткой большевистской диктатуры носило контрреволюционный характер, и дело не менялось от того, что становление новой имперской государственности на пространстве канувшей в лету Российской империи происходило «под красным знаменем злейших врагов этой империи». Это в известном смысле контрреволюционный поворот, причем выдававшийся новой властью за закономерный результат революции, хорошо осознавался массой рядовых участников революционного процесса: «Укрепление управленческой вертикали после победы над белыми вызывало широкий протест. “За что боролись?” На место царских сановников пришли комиссары, и это – не временное следствие гражданской войны, а закрепляется как ее результат».

Уже кронштадтский мятеж 1921 г. стал первым знаком массового разочарования во власти, отступившей на практике от проповедуемых ею революционных идеалов. В дальнейшем революционная мысль не раз обращалась к осмыслению этого, по сути, контрреволюционного поворота. В числе других – Л. Д. Троцкий (сам больше многих других причастный к осуществлению поворота к жесткой диктатуре) в работе «Преданная революция», одна из глав которой называлась «Советский термидор»². Надо сказать, что проводимые им параллели с ходом Великой Французской революции не были

---

2 *Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое и куда он идет?* М., 2024.

чем-то уникальным в духовной атмосфере 1930-х гг. Можно сказать больше: они очевидно витали в воздухе, обращение к термидорианским параллелям просто напрашивалось. Книга Троцкого, изданная в 1936 г., не могла, по понятным причинам, стать достоянием советского читателя. Однако тема Термидора вдруг оказалась (неожиданно для партийных аппаратчиков) в эпицентре духовной жизни СССР в год начала Второй мировой войны. В стране победившего социализма достаточно широко отмечалось в 1939 г. 150-летие Великой Французской революции, завершившейся термидорианским переворотом. И осенью того же года, главным образом на страницах сугубо литературного издания «Литературный критик», развертывается привлекающая большое внимание советской гуманитарной интеллигенции дискуссия вокруг только что вышедшей в русском издании книги Георга Лукача «К истории реализма», где среди прочего осмыслялось отношение к Французской революции ее великих современников. Только что заключенный договор с нацистской Германией стал наиболее наглядным свидетельством постепенно произошедшего Термидора, если воспринимать это понятие как символ контрреволюционного перерождения революционной власти. Параллели не сразу были замечены бдительными цензорами, позволив дискуссии зайти слишком далеко, но в итоге всё завершилось вполне предсказуемо – принятием партийного постановления и закрытием журнала.

Проблема Термидора неотделима от более общей проблемы завершения революции или путей выхода из нее, также поднятой автором в своей монографии. И здесь история предоставляет исследователю огромный и разнообразный конкретный материал, подход к которому требует, однако, определенных теоретических оснований. С точки зрения автора, «революция – это процесс преодоления старых системообразующих структур общества и создания новых путем социально-политической конфронтации». Т. е. акцент делается на слове «процесс»: пока сам процесс не завершен, продолжается и революция. А завершается он, когда «так или иначе находят разрешение основные вопросы, которые стояли перед страной в ее начале». А это могли быть и аграрно-продовольственный, и рабочий, и национальный вопрос, и тесно связанный с ними вопрос о власти и государственном устройстве. При этом, по признанию автора, «процесс преодоления старой социальной системы может происходить и в рамках старой легитимности (системы признанных большинством общества государственно-политических и правовых институтов)». Реформы, причем достаточно системные, могут происходить и без революции.

Революция, по А. В. Шубину, – «лишь одна из стадий более длительного перехода от одной исторической фазы к другой (в начале XX в. – от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому)». А значит, ее завершение не означает конца модернизации. Применительно к русской революции и стоявшим перед ней задачам представляет интерес анализ А. В. Шубиным соотношения в революционном процессе социально-освободительного и техникомодернизационного начал. Многие соавторы плана ГОЭЛРО не разделяли коммунистическую утопию, предпочитали режим политической свободы. Но они понимали, что концентрация всех хозяйственных ресурсов в руках государства и проведенные мобилизационные меры позволят быстрее и эффективнее восстановить разрушенное войной хозяйство, а затем и совершить экономический рывок.

Поскольку программа русского большевизма имела и свое международное измерение, связанное со стремлением разжечь мировую революцию, значительная часть работы посвящена революционному процессу 1920–1923 гг. за пределами пространства распавшейся Российской империи. В качестве главного инструмента координации международного коммунистического движения выступал, как известно, Коминтерн, деятельность которого на ряде основных направлений (германском, итальянском, что было связано с острой фракционной борьбой и громкими расколами в соответствующих компартиях) в книге подробно описана. При этом внешняя политика СССР не могла избавиться от своего рода дуализма, поскольку деятельность Коминтерна как «штаба мировой революции» создавала затруднения Наркоминделу, прилагавшему дипломатические усилия в целях не только расширения международного признания советского государства, но и установления экономических связей с внешним миром, без чего было невозможно элементарное восстановление разрушенной страны. В работе рассмотрена довольно подробно деятельность в этом плане Г. В. Чичерина на Генуэзской конференции, не всегда поддержанная политбюро большевистской партии. Что касается линии Москвы и Коминтерна в отношении разных компартий и поставленных центром перед ними задач, то они различались в зависимости от соотношения сил на левом фланге внутривнутриполитической жизни той или иной страны и других факторов. Автор показывает разногласия внутри большевистской и коминтерновской элиты относительно оптимальной стратегии с учетом меняющейся экономической конъюнктуры, возникновения новых политических феноменов (таких как итальянский фашизм) и т. д.

Работа опирается на неплохое знание историографии рассмотренных в ней революционных событий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это касается и обращения А. В. Шубина к истории Болгарии в связи с формированием отношения коммунистов к лево-популистским движениям. Вместе с тем при рассмотрении не столько самих революционных событий, сколько социальных процессов на Балканах, их предопределивших, стоило бы шире использовать новейшую литературу. Так, в основательной главе о болгарском крестьянском движении, правительстве БЗНС и социальном эксперименте А. Стамболийского иногда видим ссылки на работы, которые сегодня можно считать устаревшими. Между тем процесс модернизации болгарского общества после 1878 г. подробно и основательно изучен на вполне современном уровне в монографии Р. П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии» (2008) и ряде других ее работ, опубликованных в серии «Человек на Балканах в конце XIX – начале XX вв.» под руководством А. Л. Шемякина³. К этим работам можно было бы обращаться активнее. Вообще при описании судеб Болгарии и предпосылок ее турбулентного развития в начале 1920-х гг. стоило бы, наверное, сделать чуть больший акцент на упомянутые, впрочем, в работе трагические для страны события – катастрофическое поражение во Второй балканской войне (1913), нанесшее огромной силы удар по иллюзиям превращения Болгарии в крупную балканскую державу, закономерный вследствие этого поражения внешнеполитический выбор в пользу Центральных держав и поражение в Первой мировой войне. Автор справедливо, хотя и не вдаваясь в некоторые важные детали, упоминает в этой связи о мирном договоре в Нейи, не просто определившем статус страны в Версальской системе, но и поставившем Болгарию в положение региональной изоляции. Только всесторонний, скрупулезный анализ всех последствий (в том числе экономических и социально-психологических) этой национальной катастрофы 1910-х гг. позволяет в полной мере понять, почему деморализованное и дезориентированное болгарское общество в немалой своей части поддержало силу, вставшую на путь радикальных социальных реформ (в конкретном болгарском случае под лозунгами «крестьянской демократии»). На балканском материале не было бы лишним

---

³ Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусой по пересеченной местности). М., 2008; Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2007.

более широкое обращение к сравнительно-историческому анализу, сопоставлению социального развития той же Болгарии с развитием соседних стран. Ведь в Болгарии (особенно по контрасту с соседней «боярской» Румынией, но отчасти и с Грецией с сильными экономическими позициями православной церкви) развитие капитализма после освобождения от турецкого влияния и изгнания турецких землевладельцев в 1878 г. не было отягощено феодальными пережитками. Поэтому и государственно-политическая элита в Болгарии была не боярско-аристократической, как в соседней Румынии, а созданной (как, впрочем, и в Сербии) прежде всего на крестьянской основе. Конкретно в Болгарии элита сформировалась уже после 1878 г., не будучи укорененной в более глубоких исторических традициях. Эту болгарскую специфику, надо сказать, неплохо чувствовала дореволюционная петербургская дипломатия, что отчетливо видно из аналитической записки, подготовленной в МИД Российской империи в 1913 г., в период Балканских войн. Неизвестный нам внешнеполитический эксперт возводил истоки болгаро-румынских противоречий к временам пребывания обоих народов под турецким владычеством. Если в Болгарии, завоеванной огнем и мечом, национальное сознание народа и его энергия постепенно крепили, то в Румынии, подвергшейся «разлагающему влиянию добровольного подчинения», эти народные доблести со временем исчезали. Различия в характере подчинения османам, а значит и в его результатах, проявились и в складе социальных отношений. В Болгарии привилегированный класс был уничтожен в середине века, и это способствовало единению власти и народа. В Румынии и в начале XX в. существовали резкие социальные различия, и этим она отличалась от балканских государств. Пропась между властью и народом проявилась и во внешнеполитическом выборе: румынские политики после 1878 г. склонились в сторону Тройственного союза, что шло вразрез с глубоко укорененным в народе стремлением к освобождению Трансильвании из-под венгерского владычества⁴.

В связи с болгарскими претензиями на некоторые территории, оказавшиеся у соседей (прежде всего на Македонию, отчасти на Южную Добруджу), хочется подчеркнуть, что независимо от побед или поражений в войнах они имели свои основания уже в силу культурно-языковой близости проживавшего там населения болгарам (процесс формирования самостоятельной македонской нации

---

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 460–463.

находился еще в довольно ранней стадии, а что касается Южной Добруджи, там явно доминировали болгары).

Работа вполне логично завершается глубоким анализом событий осени 1923 г. в Германии в более широком контексте международных отношений. «Как показал опыт Турции, добившейся пересмотра Севрского договора, у Германии в 1923 г. был шанс на пересмотр Версальского мира. Ее лидеры не решились воспользоваться этим шансом, что усилило популярность реваншизма, крайнего национализма в последующей истории Веймарской республики», – замечает автор. И все-таки насколько реален был этот шанс, учитывая неимоверную усталость общества от войн и потрясений? (Автор сам признает, что революция в Германии к этому времени выдохлась.) Нам представляется справедливым мнение ведущего историка-германиста А. Ю. Ватлина, в своих работах показывающего, что в Германии 1923 г. в общем отсутствовали объективные предпосылки победоносной революции⁵. А к этому добавлялся еще и конфликт личных амбиций в среде коммунистов, лишивший партию возможности сконцентрировать силы на решающем участке борьбы. Кстати, А. В. Шубин, вероятно, прав, отмечая, что тот же острый конфликт внутри большевистской партии, вполне обозначившийся к осени 1923 г., уберет СССР от вмешательства в германские дела, а значит «от принесения колоссальных жертв на алтарь мировой революции».

Книга содержит сотни сносок, автор опирается не только на большое количество литературы, но и на малоизвестные или впервые публикуемые источники (в частности, из Российского государственного военного архива, при описании Кронштадтского восстания). Подробно и с большим знанием дела А. В. Шубин пишет о дипломатических перипетиях и теоретических дискуссиях, проводя интересные параллели, например, между последними текстами Ленина и бланкизмом, понимаемым не как путчизм, а как конструктивная стратегия. Можно заметить также, что книгу отличает не только точность, но и образность даже в заголовках типа: «Процесс эсеров и приговор большевикам»; «Окно в Европу»; «Вокруг Генуи: расколоть фронт или достроить храм». Некоторые страницы работы носят полемический характер, убедительно разоблачая, в частности, конспирологические построения ряда авторов.

---

⁵ См. из новейших работ: *Ватлин А. Ю.* Большевики и коммунисты. Советская Россия, Коминтерн и КПГ в борьбе за германскую революцию 1918–1923 гг. М., 2024.

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать, что новая монография А. В. Шубина представляет собой существенный вклад в изучение межвоенного периода мировой истории на его начальной стадии.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи.

Ватлин А. Ю. Большевики и коммунисты. Советская Россия, Коминтерн и КПП в борьбе за германскую революцию 1918–1923 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 470 с.

Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусдой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 256 с.

Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? М.: АСТ, 2024. 352 с.

Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. 376 с.

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Отлив. М.: Академический проект, 2025. 509 с.

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

References

Grishina, R. P. (Ed.). *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniia protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina XIX – seredina XX v.)*. St Petersburg: Aletheia, 2007, 376 p.

Grishina, R. P. *Liki modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX – nachale XX vekov (beg tustsoi po peresechennoi mestnosti)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2008, 256 p.

Shubin, A. V. *Mirovaia revoliutsionnaia volna (1918–1923 gg.) Otliv*. Moscow: Akademicheskii projekt, 2025, 509 p.

Shubin, A. V. *Mirovaia revoliutsionnaia volna (1918–1923 gg.) Priliv*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2020, 773 p.

Trotsky L. D. *Predannaia revoliutsiia: chto takoe SSSR i kuda on idet?* Moscow: AST, 2024, 352 p.

Vatlin A. Ju. *Bol'sheviki i kommunisty. Sovetskaia Rossiia, Komintern i KPG v bor'be za germanskuiu revoliutsiiu 1918–1923 gg.* Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2024, 470 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

A. S. Stykalin

The Era of Wars and Revolutions in the New Work of a Russian Historian

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The Era of Wars and Revolutions in the New Work of a Russian Historian // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 486–498 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

Received: 14.12.2025.

Abstract

This article reviews a new monograph by A. V. Shubin, which represents a logical continuation of his previous work, *The World Revolutionary Wave (1918–1923): The Tide*. The author focuses on the waning of the revolutionary process that engulfed the former Russian Empire, several European countries, and the colonial and semi-colonial lands of Asia following World War I, which resulted in the collapse of four empires (the Russian, German, Austro-Hungarian, and Ottoman). The work examines the debates within the Bolshevik Party regarding ways to deepen the revolution. A separate chapter is devoted to peasant movements across the territories of the collapsed Russian Empire (including the *Makhnovshchina* in Left-Bank Ukraine) and their program demands, which conflicted with both the goals of the White movement and the Bolsheviks' agrarian policy during the years of "War Communism." The author also touches upon the resolution of the national question in the vast territories inherited from the Russian Empire, including its western borderlands. He concludes that the implemented model of the formation of the USSR not only frozen the clash of national projects but also redirected national aspirations toward overall modernization. The reviewer pays particular attention to the monograph's coverage of the fading revolutionary process in the Balkan region.

Keywords

Consequences of the First World War, collapse of empires, world revolutionary process, Russian Revolution of 1917, modern peasant movements, resolution of national contradictions, modern history of the Balkans.